

DOI: 10.24411/2308-8079-2019-00009

УДК 271.2:2-5(470.2)

**ТАИНСТВО ПОКАЯНИЯ В ПРАВОСЛАВНЫХ ПРИХОДАХ
СЕВЕРА РОССИИ (XVIII-НАЧАЛО XX В.)**

Пулькин М.В.

В статье рассмотрены специфические черты организации исповедного учета и осуществления таинства покаяния на Севере России. Выявлено, что отношение духовенства и мирян к исповеди заметным образом менялось на протяжении всего изучаемого периода. Материалы XVIII в. рисуют картину жесткого контроля над осуществлением таинства. Уклоняющиеся от исповеди подвергались разнообразным формам преследования, в том числе денежным штрафам. Данные XIX в. показывают, что отношение церковной и светской власти к исповеди претерпело серьезные изменения. Отныне основу деятельности духовенства составляла проповедь, в том числе на карельском языке, нацеленная на то, чтобы убедить местное население в необходимости ежегодного покаяния. Оба варианта воздействия на мирян не принесли успеха, оказались малоэффективными.

Ключевые слова: Православие, исповедь, духовенство, крестьяне, богослужение, таинства, законодательство.

**THE SACRAMENT OF PENANCE IN THE ORTHODOX PARISHES
IN THE NORTH OF RUSSIA (SINCE THE 18TH CENTURY TILL THE
BEGINNING OF THE 20TH CENTURY)**

Pulkin M.V.

The article discusses specific features of the organization of confessional accounting and the implementation of the sacrament of penance in the Russian North. It was revealed that the attitude of the clergy and laity to confession noticeably changed throughout the period under review. Materials of the 18th century paint a picture of the tight control over the implementation of the sacrament. Those who shy away from confession are subjected to various forms of persecution, including fines.

Data of the 19th century show that the attitude of church and secular authorities towards confession has undergone major changes. From now on, the basis for the activities of the clergy was preaching, including in the Karelian language, aimed at convincing the local population of the need for annual repentance. Both versions of the impact on the laity did not bring success and were ineffective.

Keywords: Orthodoxy, confession, clergy, peasants, worship, sacraments, legislation.

Финансовое обеспечение исследований осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН (Номер госрегистрации: АААА-А18-118030190093-9).

На протяжении веков духовные и светские власти придавали исповеди и причастию особое значение в обустройстве каждодневной религиозной жизни христиан [6, с. 3, 5, 8]. Начиная с XVIII в. исповедь приобрела в России и иной смысл. Отказ от нее влек за собой подозрение в неблагонадежности, «тайном содержании раскола» [2, с. 168; 52, с. 36], что не могло остаться незамеченным властью. С петровских времен и до 1800 г. существовал порядок, согласно которому уклоняющиеся от исповеди платили штраф [25]. Практическое осуществление исповедного учета возлагалось на приходских священников. Согласно именным указам Петра I [13; 22] иереи обязывались ежегодно составлять полный список исповедавшихся, не посетивших исповедь и «записных раскольников», внесенных в специальный перечень. Копию списка надлежало представлять в консисторию, а также в судебные органы. Указы 1722 г. дополнительно разъясняли, как именно следует вести приходские списки [22; 24].

Выдающееся значение законодательной регламентации исповеди среди мероприятий петровской церковной реформы неоднократно становилось предметом внимания исследователей [18, с. 119-123; 26, с. 131-136; 48, с. 315-342]. Академик Н.Н. Покровский полагает, что в петровском законодательстве

исповедь превратилась «в контролируемый государством метод общеобязательной проверки», малоэффективный и не способный «отделить овец от козлищ» [34, с. 382]. Современный исследователь русского религиозного сознания А/С. Лавров полагает, что для императора Петра Великого «не менее важно было то, чтобы подданные регулярно исповедовались, чем то, чтобы они регулярно платили свою подушную подать» [19, с. 346]. В дальнейшем, после петровских реформ, заметная роль таинства покаяния сохранялась [35, с. 353-354]. Для организации исповеди привлекались «мирские» должностные лица. В инструкции «сотскому с товарищи» от 19 декабря 1774 г. предписывалось наблюдать, чтобы народ посещал церковь в воскресные дни, великие праздники и дни высочайших торжеств, «имел воздержание» от полевых работ, а также регулярно исповедовался [14]. Характерное для России в конце XIX в. постепенное увеличение числа отказывающихся от исповеди в новейших трудах по истории Церкви отождествляется с ростом религиозного индифферентизма [3, с. 115].

В литературе сложилось неоднозначное мнение об отношении прихожан к таинству покаяния, а также о достоверности исповедных ведомостей. А.В. Камкин полагает, на основании данных церковных архивов, что в целом по Европейскому Северу России «ежегодная волна исповедания и причастия <...> превращалась в особое приходское общение». Что касается уклонения от исповеди, то оно, по мнению автора, носило «очаговый» характер [16, с. 31]. Данные исповедных ведомостей расцениваются, таким образом, как вполне достоверные. Отчасти с А.В. Камкиным солидарна Л.В. Островская, использующая сибирские материалы XIX в. «Церковные деятели, – пишет она, – отмечали слабость религиозного чувства сибиряков, усматривая здесь аналогию с Олонецкой епархией, где условия существования церкви были сходны с сибирскими». Эта же ситуация в полной мере отражена и в исповедных отчетах [26, с. 134]. Противоположной точки зрения придерживаются Н.Д. Зольникова [10, с. 12] и академик Н.Н. Покровский [34, с. 381]. Они полагают, что церковная статистика настолько фальсифицирована,

что может использоваться только для демографических исследований. Ее нельзя применять для изучения уровня религиозности населения или создавать на ее основе историю оппозиционных к господствующей Церкви конфессиональных течений.

Фактором, способствующим искажению данных исповедного учета, стал, как ни парадоксально на первый взгляд, жесткий контроль над исповедью со стороны светской власти. Архангельский и Олонецкий генерал-губернатор Т.И. Тутолмин, как видно из его резолюции, распорядился в 1786 г. «во все селения разослать приказы и велеть иметь неослабное <...> смотрение, дабы поселяне, им подвластные, начиная с семи лет возраста, ходили ежегодно на исповедь и по дозволению священника к приобщению». В распоряжении предписывалось объявить «при собрании мирского скопа», что в случае добросовестного исполнения «сей христианской должности» верующие избегнут не только штрафа, но и уголовной ответственности – «самого, наконец, осуждения» [45, л. 4]. Такой жесткий подход открывал широкие возможности для тех, кто желал свести личные счеты. Прошения прихожан с жалобами на ложное указание их «небывшими» не освобождали просителей от наказания за неявку на исповедь. В документах XVIII в. описания такого рода ситуаций встречаются в немалом количестве. В 1754 г. выборный от крестьян Коткозерской волости представил в Олонецкую провинциальную канцелярию «репорт», в котором указывал, что «их (прихожан – *М.П.*) тое волости поп в небытии у исповеди показал напрасно» [41, л. 272]. Решение канцелярии, как видно из указа, было следующим: «<...> егда вышеозначенный поп оных крестьян показал не исповедавшимися по злобе напрасно, то надлежит им на него просить по команде», но «от платежа штрафных денег тем не отговариваться» [50, л. 278].

Суровое административное воздействие, применяемое в деликатном церковном вопросе, привело к такому эффекту, который нельзя не назвать обратным ожидаемому. Священно- и церковнослужители использовали свои полномочия для того, чтобы омрачить жизнь супостатам. В 1794 г., как видно

из прошения дьячка, священник Оштинского погоста «за происходящими ссорами написал ево, дьячка, в своей духовной росписи небывшим у исповеди и святого причастия» [37, л. 57]. На сходное нарушение отчетности указывали крестьяне Нигижемского прихода в том же году. В их прошении, адресованном Синоду, говорилось: «на некоторых бывающих у него (священника – М.П.) у святого причастия в духовное правление репортует небывальными, за то и взыскиваются строго узаконенные с нас штрафы» [38, л. 2].

С другой стороны, те прихожане, которые не явились на исповедь, при определенных, вполне предсказуемых условиях, могли рассчитывать на снисходительное отношение своих приходских священников. Судя по донесению пономаря Лоянского прихода, поступившему в Олонецкую духовную консисторию в 1796 г., священник Федор Теодорский прихожан «в великопостных росписях показывает всех бывшими». Остальные служители церкви здесь «имеют сомнение», поскольку священник «при исправлении той исповеди не приглашает никого из церковнослужителей» [7, л. 170, об.]. В данном случае мы не располагаем объяснением того, почему священник оказался не в меру уступчив. Документы, связанные с историей других приходов, показывают, что указанный случай не уникален, а объяснения поступков клирика вполне обыкновенны. Следственная комиссия по делу о восстании приписных к Олонецким горным заводам крестьян докладывала в 1771 г. Сенату, что крестьяне вынуждены, помимо прочих многочисленных «беззаконных сборов», платить «попам за великопостные росписи, таковыя, что, хотя бы кто и не был, показывается бывшим на исповеди» [39, л. 291].

Аналогичные нарушения «благолепия» имели место и в Западной Сибири. Так Н.Д. Зольникова утверждает, что «клирики регулярно ради взяток отмечали в ведомостях не бывших на этих мероприятиях бывшими». Иногда они, наоборот, «вымогая взятки, бывших при исполнении этих обрядов писали "небывшими"» [10, с. 172]. Но в литературе не нашло отражения иное обстоятельство, столь же ощутимое для духовенства и настоятельно побуждавшее его искажать исповедную отчетность. Речь идет о страхе перед

расправой, неминуемой для каждого, кто пытался противостоять воле крестьян. Дьячок Ильинского прихода доносил в 1781 г. в Олонецкую духовную консисторию: «прихожан у священника на исповеди было только десятков семь». Остальных «обоюго пола семьсот в пост Успения Богородицы он хотя и призывал на исповедь, но как к тому, так и к хождению в воскресные и праздничные дни в церковь принудить не мог». Как видно из того доношения, дьячок даже «претерпевал немалое поношение за то, что призывал на исповедь». Столкнувшись с «нерачением» прихожан, дьячок обратился за помощью к волостному старосте, но тот отказал в содействии, ссылаясь на свою неспособность «взять власть» над крестьянами [42, л. 65].

Приведенные факты не дают возможности ответить на вопрос о том, насколько типично уклонение от исповеди и часто ли священно- и церковнослужители искажали исповедную отчетность. Исповедные ведомости отражали или взаимоотношения между прихожанами и священником, или действительный факт явки прихожан на исповедь, или, что всего вероятнее, и то, и другое в разных пропорциях. И все же нельзя не заметить, что исповедь не являлась популярной составляющей приходской жизни. По представлениям крестьян, греховность неизбежно сопутствовала человеку в его земной жизни. В народе некоторые грехи воспринимались «как обычные человеческие слабости, не требующие специального очищения от них» [20, с. 716], что имело далеко идущие последствия церковно-административного характера. Исповедь доставляла немало хлопот и законодателям, и тем, на кого возлагались контрольные функции – приходским священникам и светским властям.

В 1807 г. Олонецкая палата уголовного суда рассматривала дело о вытегорских мещанах, систематически не являющихся на исповедь. При рассмотрении дела указывалось, что с недавнего времени взимание денежных штрафов запрещается. Не являющиеся для совершения таинства «подлежат приватному суждению духовных их отцов». На «закоснелых» следует налагать публичную церковную епитимию с ведома епархиальных архиереев» [49, л. 4]. Судя по материалам делопроизводства XIX в., факт регулярной явки жениха и

невесты на исповедь указывался в документах, составляемых перед заключением брака [44, л. 2]. Лица, «не бывающие у исповеди и святого причастия», не могли избираться церковными старостами [11, с. 183]. Традиционный уклад жизни предписывал каждому верующему незамедлительно исповедаться в моменты тяжелой болезни, представляющей угрозу для жизни. В 1813 г. один из местных крестьян описывал злоключения своей матери, утверждая, что ее избили «до увечья». Вследствие жестокости односельчан ее здоровье пошатнулось, что привело ее к мысли о необходимости немедленного совершения таинства: «священником Федулом Ананьиным была она уже исповедана» [36, л. 64].

Неблагоприятные климатические условия, влияя на своевременное исполнение всех таинств, оказывали воздействие и на исповедь. В Вытегорском уезде, судя по данным середины XIX в., «сами крестьяне, не бывшие несколько лет на исповеди, говорят, что они душевно бы рады исполнить священный долг». Но им «нужно пройти 50 или 70 верст, что летом еще более трудно за множеством озер и болот» [23, л. 15]. В документах середины XIX в. содержатся и другие вполне определенные, и даже живописные высказывания. Священник Александр Устьявольский в 1858 г., поясняя свое поведение следственной комиссии, заявил, что регулярно являлся для исповеди больных. Препятствием для него становились лишь осенние «дожди и грязи», «весною по местам разлив ручьев», «зимою ненастье и морозы» [9, л. 169], т.е. климатические условия, характерные для Севера почти круглогодично. Изучавшая его дело следственная комиссия указывала, ссылаясь на местного благочинного, что в данном приходе исповедные ведомости — «документы самые темные и неопределенные» [9, л. 174].

В XIX – начале XX вв. старые проблемы осуществления таинства покаяния сохранялись. Церковное законодательство предписывало каждому верующему «хотя однажды в год исповедаться и приобщиться св. Таин по обряду христианскому, в пост, или в иное время» [11, с. 125]. Устав духовных консисторий требовал от епархиального начальства «прилагать особенное

попечение, чтобы миряне ежегодно, во исполнение христианского долга, исповедовались и причащались Св. Таин» [51, с. 7]. Регулярная явка верующих на исповедь находилась под контролем приходского священника. Начальники исповедующихся также обязывались участвовать в организации церковного обряда. Военное и гражданское начальство обязывалось наблюдать за тем, чтобы «все лица, им подчиненныя, непременно сей долг исполняли» [47, с. 384]. Реальность вносила свои коррективы. В биографии Олонецкого преосвященного Аркадия представлены недостатки церковно-приходской жизни в середине XIX в.: «Показания документов о бывающих у исповеди и св. причащения оказывались фальшивыми» [4, с. 576]. Один из благочинных, осмотрев исповедные ведомости в Масельском приходе, пришел к печальному заключению: «исповедные документы за прошлый год ведены столь неисправно, что нельзя из оных с вероятностью извлечь достоверных сведений». И все же, как он полагал, число раскольников в приходе неуклонно росло. В Шунгском приходе, по данным того же источника, «основательных сведений о бывших у исповеди священники дать не могут» [40, л. 5].

Преодолеть негативные церковные обычаи оказалось непросто. В 1861 г. в отчете, адресованном Синоду, местный епископ вновь отмечал прежние нарушения: «укоренившийся издавна между духовенством обычай небывших у исповеди и святого причастия показывать бывшими еще не совсем прекращен, только время от времени слабеет» [32, л. 31]. Местные жители нередко проявляли равнодушие к исповеди, нарушая существующие церковные традиции и предписания синодального начальства. В то же время власть продолжала оценивать лояльность граждан исходя из явки на исповедь или отказа от «христианских обязанностей». Не явившиеся на исповедь крестьяне не могли стать, к примеру, волостными старшинами [8, л. 43]. В документах консистории встречаются рассуждения о том, что каждого, не являющегося на исповедь, в XIX в. считали не вполне нравственным человеком. Один из олонецких благочинных, высоко оценивая моральные качества местных карелов, отмечал изъяны в их поведении: «Но при всем нравственном

состоянии карелов, отличающихся от русских православных своим особенным языком, патриархальными нравами и обычаями в образе жизни, мало заметно в них особенного усердия к церкви и к исполнению христианского долга посредством очищения своей совести через исповедь и святое причастие» [29, л. 46]. В 1902 г., оценивая особенности местной паствы, олоонецкий благочинный подчеркивал, что исповедь и теперь остается важным критерием оценки духовно-нравственного состояния народа. Итоги проверок показывают, что ситуация далека от благополучия. Число исполняющих долг исповеди хотя и растет, но «в общем оставляет желать еще многого» [30, л. 24]. Значительно реже в документах консистории встречаются данные о проблемах с посещением церкви, возникающих из-за бездорожья. В 1879 г. один из каргопольских благочинных писал: «В настоящее время число исполнивших христианский долг исповеди и святого причастия во всех приходах гораздо значительнее противу прошлого года. Причиной служило то, что зимний путь в течение всего поста был весьма удобный» [46, л. 24].

Иногда консистория шла на отчаянные меры, призванные решить проблему явки на исповедь самым радикальным способом. В 1896 г. она рассмотрела ведомости о людях православного вероисповедания, не являвшихся на исповедь. Оказалось, что значительная часть местных крестьян не являлась на исповедь в течение 3, 5 и даже 12 и более лет, причем «пастырские увещания об исполнении долга исповеди остаются без внимания». Консистория решила «присудить всех таких лиц к епитимиям, назначив поклоны келейные для небывших на исповеди от 3 до 10 лет и в церкви для лиц, не исполнивших исповеди от 10-15 и более лет». Намечалось предоставить духовникам возможность определять «как количество поклонов, так и время несения епитимий». Предвидя сопротивление со стороны уклоняющихся от исповеди, консистория обращалась к губернскому правлению с просьбой о поддержке. Как говорилось в составленном в консистории документе, светскому начальству надлежало «сделать зависящее с его стороны распоряжение об оказании через подведомое ему гражданское начальство

содействие приходскому духовенству к приведению в исполнение вышеозначенного распоряжения епархиального начальства относительно выполнения в церкви епитимий лицами, не бывшими у исповеди 10 и более лет» [27, л. 2].

И все же осуществление исповеди постепенно приобретало новые черты. Внимание уделялось не только бюрократическому контролю над церковным покаянием, но и духовной составляющей таинства. В 1870 г. епархиальный архиерей указывал в отчете, адресованном Синоду, что ему приходилось заботиться о «внушении» через священников пастве о «необходимости частого посещения богослужения, неупустительного исполнения долга исповеди и святого причастия надлежащим приготовлением к сим таинствам» [28, л. 12]. От священника при рукоположении требовали обещания «с должным вниманием и усердием выслушивать исповедь кающихся», не выражая «никакого неудовольствия ни словом, ни видом своим». По завершении исповеди предписывалось не действовать слишком сурово, «не налагать на кающихся епитимий на долгое время» [5, л. 5]. При представлении сведений о явившихся и не пришедших на исповедь причты обязывались «указывать, почему их прихожане не исполняют христианского долга», а также обозначать те меры, «которые принимаются к их исправлению» [4, с. 583].

В начале XX в. местные священники продолжали совершенствовать порядок осуществления исповеди по собственному усмотрению. В 1909 г. священник Волостнаволоцкого прихода указывал в своем рапорте архиепископу, что в своем приходе он допускает к исповеди только тех прихожан, которые более-менее регулярно посещают богослужения. Исключение составляют те, кто живет слишком далеко от церкви. Объясняя столь рискованное решение, иерей писал: «Я как священник желал бы, чтобы прихожане как можно лучше приготовлялись к святому причащению» [43, л. 37]. В деле нет свидетельств недовольства епархиального начальства этим нововведением. Другой священник, служащий в приходе, населенном карелами, отмечал благотворное влияние на паству использования карельского

языка в церковном обиходе. Призыв явиться на исповедь, проповедь и беседы с карелами на их родном языке, писал иерей, привели к несомненному быстрому успеху, изумившему епархиальное начальство. Ведь за несколько лет до этого большинство прихожан не приходило на исповедь. Но к 1914 г., когда происходили описываемые события, наоборот, подавляющее большинство стало посещало церковь и принимать участие в таинстве покаяния [1, с. 317-319].

В новых условиях приходское духовенство активно искало и с разрешения епархиального начальства внедряло в жизнь новые правила осуществления исповеди. По данным рубежа XIX и XX вв. священник Гимольского прихода во время Великого поста объезжал окрестные деревни. Во время поездок пастыря все желающие могли исповедаться. Положительный результат не замедлил проявиться. Как писал священник, «число исполнявших долг исповеди и святого причастия с каждым годом увеличивается» [21, с. 228]. К исполнению христианского долга детей приучали в церковно-приходских школах. По данным отчета о состоянии школ за 1907 г., в них важнейшим средством воспитания стало «исполнение христианского долга исповеди и Св. причастия с должным приготовлением к тому». От совершения таинства уклонялись лишь дети старообрядцев [33, с. 16]. В начале XX в. исповедь продолжали считать «главной и существенною мерою к искоренению в приходе раскола» [15, с. 96]. Но и сам «раскол» явственно заявлял о себе во время исповеди. Как говорилось в миссионерском отчете, «вредное влияние раскола сказывается и в том отношении, что православные <...> весьма редко посещают храм Божий и редко исполняют долг исповеди и святого причастия» [17, с. 14]. Другой миссионерский отчет содержал сходные суждения о приверженных «расколу» частях приходов: «Долг исповеди и святого причастия исполняют немногие. Большинство исповедается только по случаю болезни» [31, л. 55].

Иногда предпринимались попытки решить непростую проблему явки на исповедь и иными, значительно более радикальными методами. Съезд

благочинных Олонецкой епархии решил «вменить в обязанность» пастырям Олонецкой епархии «непрерывно требовать» от не посещающих исповедь лиц до совершения таинства брака исповедаться и причаститься [12, с. 256]. Так осуществлялась хитроумная попытка связать воедино два таинства. С одной стороны, покаяние, к которому многие крестьяне относились скептически. С другой стороны, таинство брака, которое для крестьян стабильно оставалось значимым.

В целом при всестороннем изучении таинства покаяния перед исследователем возникает парадоксальная ситуация. Не жалея сил и средств, крестьяне строят церковь и обеспечивают ее всем необходимым. Они тщательно подбирают священнослужителей и «снабдевают» их, пусть не слишком щедро, ругой и землей. Но затем совершенно отказываются исповедаться или в лучшем случае крайне неохотно участвуют в осуществлении одного из основных таинств. Явное противоречие повседневной приходской жизни не замечено авторами работ по церковной истории. Между тем парадоксальное состояние дел в приходах можно объяснить набором существенных факторов. К их числу не относятся мероприятия светской и церковной властей, нацеленные на регламентацию исповедного учета. Существуют другие, более правдоподобные объяснения. В совокупности они привели к формированию своеобразной иерархии таинств, в которой покаянию отводилась наименее существенная роль. Во-первых и прежде всего, исповедь, в отличие от таинства брака, не была связана с прагматическими проблемами жизни крестьянского сообщества, она не скрепляла договор между семьями и по этой причине оставалась на второстепенных позициях. Во-вторых, деятельность приходского духовенства, судя по отрывочным данным, оставалась крайне непоследовательной. Известны примеры как принципиальности в осуществлении исповедного учета, так и компромиссного отношения к таинству покаяния. Среди священников получили некоторое распространение противозаконные попытки превратить осуществление исповеди в источник дохода. Кроме того, сами священники не всегда являлись

образцом христианской нравственности, что дополнительно подталкивало прихожан к отказу от исполнения христианского долга.

Список литературы:

1. А. П-ий. О желательности каждому священнику карельского прихода знать наречие своих прихожан-карел // Олонецкие епархиальные ведомости. 1914. № 14. С. 317-319.
2. Алексеева Н.В. Церковная исповедь и попытка установления государственного контроля за ее практикой в XVIII в. // Мировоззрение и культура севернорусского населения. М.: Наука, 2006. 167-174.
3. Андреева Л.А. Феномен религиозного индифферентизма в Российской империи // Общественные науки и современность. 2008. № 4. С. 112-119.
4. Вениамин, иером. Преосвященный Аркадий, архиепископ Олонецкий, как деятель против раскола // Олонецкие епархиальные ведомости. 1900. № 16. С. 574-578.
5. Дело о рукоположении // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 1. Д. 49/60. Л. 5-5 об.
6. Делюмо Ж. Грех и страх: Формирование чувства вины в цивилизации Запада (XIII-XVIII в.). Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2003. 752 с.
7. Доношение пономаря в Олонецкую духовную консисторию // Государственный архив Архангельской области. Ф. 29. Оп. 9. Д. 153. Л. 170-170 об.
8. Журнал Олонецкой духовной консистории за 1861 год // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 20. Д. 59/655. Л. 43.
9. Записка из следственного дела о вымогательстве // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 7. Д. 45/10. Л. 169-170.
10. Зольникова Н.Д. Сибирская приходская община в XVIII в. Новосибирск: Наука, 1981. 288 с.

11. Ивановский Я. Обзорение церковно-гражданских узаконений по духовному ведомству (применительно к Уставу духовных консисторий и Своду законов) с историческими примечаниями и приложениями. Справочная книга. СПб., 1883. 430 с.

12. Из постановлений благочиннического съезда Олонецкой епархии, бывшего в городе Каргополе // Олонецкие епархиальные ведомости. 1900. № 7. С. 256-257.

13. Инструкция сотскому с товарищи // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. СПб., 1830. Т. 19. № 14231.

14. Именной указ «О хождении разночинцам посадским и поселянам в воскресные дни и в господские праздники в церковь, и о исповеди повсягодно, и о подаче священникам ведомостей о неисповедавшихся, и о взыскании с таковых штрафа» // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. СПб., 1830. Т. 5. № 3169.

15. Казанский К.И. О расколе в Троицком приходе // Олонецкие епархиальные ведомости. 1900. № 3. С. 96-97.

16. Камкин А.В. Традиционные крестьянские сообщества Европейского Севера России в XVIII в.: автореф. дис. ... докт. ист. наук: спец. 07.00.07 – этнография. М., 1993. 39 с.

17. Козлов И. Миссионерский отчет о состоянии и движении раскола Олонецкой епархии и деятельности епархиальной миссии против раскола и сектантства за 1911 год. // Олонецкие епархиальные ведомости. 1912. № 22. С. 1-23 (Приложение).

18. Корогодина М. В. Исповедь в России в XVIII в.: церковный или гражданский суд? // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2009. Сер. 2. Вып. 2. С. 119-123.

19. Лавров А.С. Колдовство и религия в России. 1700-1740 гг. М.: Древлехранилище, 2000. 678 с.

20. Листова Т.И. Религиозно-общественная жизнь: представления и практика // Русский Север: этническая история и народная культура. XII-XX века. М.: Наука, 2004. С. 725-747.
21. Надпорожский П. Гимольский приход Повенецкого уезда. // Олонецкие епархиальные ведомости. 1900. № 6. С. 225-233.
22. О выборе ко всякой службе бывших на исповеди // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. СПб., 1830. Т. 6. № 3 854.
23. О раскольниках города Вытегры и Вытегорского уезда // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 15. Д. 53/1152. Л. 15.
24. О штрафах за неисповедание // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. СПб., 1830. Т. 6. № 3963.
25. Об отмене штрафа за непосещение исповеди // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. СПб., 1830. Т. 26. № 19743.
26. Островская Л.В. Источники для изучения отношения сибирских крестьян к исповеди (1861-1904 гг.) // Исследования по истории общественного сознания эпохи феодализма в России. Новосибирск: Наука, 1984. С. 134.
27. Отношение Олонецкой духовной консистории Олонецкому губернскому правлению // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 2. Оп. 1. Д. 61/1419. Л. 2-12.
28. Отчет о состоянии Олонецкой епархии за 1870 г. // Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 442. Д. 383. Л. 1-12 об.
29. Отчет благочинного 2 округа Олонецкого уезда за 1879 год // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 1. Д. 60/1. Л. 46.
30. Отчет благочинного 2 округа Олонецкого уезда за 1902 год // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 20. Д. 9/96. Л. 24-26.
31. Отчет миссионера // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 14. Д. 63/18. Л. 55 об.
32. Отчет о состоянии Олонецкой епархии за 1861 год // Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 61. Л. 1-43.

33. Отчет о состоянии церковных школ в 1907-1908 учебном году // Приложение к № 3 Олонецких епархиальных ведомостей за 1909 г. С. 16-20.

34. Покровский Н.Н. Организация учета старообрядцев в Сибири в XVIII в. // Русское население Поморья и Сибири. Новосибирск: Наука, 1973. С. 367-384.

35. Попов А. Суд и наказания за преступления против веры и нравственности по русскому праву. Казань, 1904. 516 с.

36. Прошение государственного крестьянина Федора Дмитриева // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 58. Оп. 1. Д. 10/64. Л. 64-65.

37. Прошение дьячка Оштинского погоста // Государственный архив Архангельской области. Ф. 29. Оп. 1. Д. 231. Л. 57-58.

38. Прошение крестьян Нигижемского прихода в Синод // Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 76. Д. 20. Л. 2-3.

39. Протоколы следственной комиссии по делу о восстании приписных крестьян // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 445. Оп. 1. Д. 256. Л. 291-296.

40. Рапорт благочинного о состоянии Масельского прихода // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 16. Д. 66/15. Л. 5.

41. Рапорт выборного от крестьян Коткозерской волости в Олонецкую провинциальную канцелярию // Российский государственный архив древних актов. Ф. 547. Оп. 1. Д. 376. Л. 272-273.

42. Рапорт дьячка Ильинского прихода // Государственный архив Архангельской области. Ф. 29. Оп. 9. Д. 1. Л. 65-66.

43. Рапорт священника Василия Лаврова // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 7. Д. 106/42. Л. 37-38.

44. Рапорт священника Волосовского прихода за 1859 г. // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 20. Д. 58/653. Л. 2-3.

45. Резолюция генерал-губернатора Т.И. Тутолмина // Государственный архив Архангельской области. Ф. 1367. Оп. 3. Д. 95. Л. 4-5.

46. Сведения о состоянии церквей, духовенства и прихожан по 3 благочинническому округу Каргопольского уезда за 1879 год // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 1. Д. 60/1. Л. 24-25.

47. Свод уставов о предупреждении и пресечении преступлений // Церковное благоустройство. Сборник действующих церковно-гражданских законоположений, относящихся к духовному ведомству. М., 1901. С. 282-314.

48. Тициан А. Московские приходы конца XIX–начала XX в.: соотношение между православными жителями города, участвовавшими и не участвовавшими в таинствах исповеди и причастия // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2018. № 2. С. 315-342.

49. Указ вытегорского городского магистрата // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 655. Оп. 1. Д. 35/269. Л. 4.

50. Указ Олонецкой провинциальной канцелярии // Российский государственный архив древних актов. Ф. 547. Оп. 1. Д. 376. Л. 278-279.

51. Устав духовных консисторий // Церковное благоустройство. Сборник действующих церковно-гражданских законоположений, относящихся к духовному ведомству. М., 1901. С. 5-64.

52. Шевцова В.Ф. Православие в России накануне 1917 г. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. 488 с.

Сведения об авторе:

Пулькин Максим Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук (Петрозаводск, Россия).

Data about the author:

Pulkin Maxim Viktorovich – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of Institute of Language, Literature and History of Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russia).

E-mail: mvpulkin@mail.ru.